

ЮНОСТЬ

10
1974

СТИХИ

Виталий Коротич

Перевела с украинского Ю. МОРИЦ.

Заклинание правдой

Той дорогой вернись,
По которой пришел не туда.
Той дорогой вернись
И оттуда, где зажил удобно и складно.
Отвернись от неправды
И к правде вернись безоглядно,
Слушай совесть,
Она выручает поэта всегда.

Ощутишь глубоко
Сладость горьких исканий живых,
Невозможность сладчайшую —
Состариться в лаврах кумира.
Стань собой.
Отрекись от соблазна удобств мировых,
Ведь убийственней всех неудобств —
Неудобство душевного мира.

Свой отчетливый след
Ты обязан найти, и тогда
Пусть тревога, твой бог,
Не исчезнет, не канет в безвестность,
Потому что поэт —
Это в первую очередь честность.
Той дорогой вернись,
По которой пришел не туда.

✪

Я видел сосны. Каждая из них
жила отдельной жизнью в гущине.
Сто сосен — сто прекрасных разных книг,
сто строф, душе навеянных во сне.

Сто женщин золотых стоят в песке
и пьют смолистый ветер, как вино,
сто капель, золотящихся в реке,
живущих в море — врозь и заодно.

Сто сосен — слов стволы над головой,
их подпирает вечности ладонь.
И мир ночной, блестящий и живой,—
как вороной, от бега потный конь.

Кровь хвойная — смола — живейший сок
сосны — обронзовелая змея...
Сто сосен... Иглы упадут в песок,
тогда душа состарится моя...

✪

А что в итоге! Мать, друзья, работа,
любовь... Во что еще душа влита!
И жизни блеск и жизни простота
немыслимы без этого оплота.
Вот суть. А остальное — суета.

...И если жизни стебель невредимый
врастает в рану, что ж, сожми уста
иль слезы съешь, чья соль, как хлеб, чиста.
Страшна утрата матери, любимой,
друзей, работы. В них неистребимый
свет смысла. Остальное — суета!

Песня для матери

Для встречи нам нужно присниться,
Обняться на волнах времен,
Откуда срывается птица,
Как юность твоя — в небосклон.

Прости, я пишу тебе мало —
Я странствую так далеко.
Все время ты снишься мне, мама,
Когда на душе нелегко.

Под солнцем лечу, под луною,
Пространство хочу одолеть.
Повсюду была бы со мною —
Не смог бы я так побелеть.

✪

Полдня был ливень так прозрачен,
потом багровым стал поток,
когда закат пятном горячим
возник и струями потек.

Безмолвный водопад. Ни звука.
Небес посланники, гонцы,
летели капли прямо в руку
и замирали, как птенцы.

И бился на ветру студеном
их дух продрогший, дух живой,
и черноземом с черноземом
сшивал он нитью дождевой.

Уже природа в красном море
меняла облика черты.

...Зерном в червонном помидоре
стою во влаге красноты,
пью свет червонный, с высоты
в хрусталь дождя он влит в просторе.

© Издательство «Правда», «Юность», 1974 г.

Реквием для бандуриста

А песню просто схоронили в горле,
И тишь не покачнулась над лесами,
Когда отпели песню в мертвом горе
Живые неживыми голосами.

Я не забыл, что он упал, как зори —
На рыхлые, размокшие поля,—
Кобзарь, забитый насмерть на базаре,
Свернувшийся в ногах у патруля.

Угас мгновенно. Опустились плечи.
Окружность крови вспыхнула, как нимб.
И струны постепенно стихли в плаче,
Светясь и умирая вместе с ним.

Как из реки, из этой смерти выплыть
Хотел. Невольно дрогнула рука.
Поэта нет, и вдруг толпа охриппа,
Утратив дар родного языка.

Река мгновений хоронила в иле
Кровавой скорби медленную нить.
И понял я, что нет на свете пули,
Способной что-то в песнях изменить.

Страшатся слов эсэсовцы, умея
Прижать ко лбу свинцовую печать.
Еще я понял, что народ немеет,
Когда поэту не дают кричать.

Урок мой детский... Он не стерт листками,
Шуршащими, как годы, в горах книг.
Когда кобзарь был поднят мужиками,
Он знаменем к мужским рукам приник.

Осенний лес без рыжего берета
Стоял. Стоял народ, и видел он
Могилу Неизвестного Поэта,
В чьем горле — вечной песни вечный сон.

Михаил Головенчиц

✪

Уже недолго до заката,
И в эти тихие часы
По небу тянет «Ил» крылатый
Четыре длинных полосы.

Они растают очень скоро,
Им вслед никто не поглядит,
И самолет покинет город.
Куда-то дальше полетит.

Над степью, над лесной сторонкой,
Над памятью минувших лет,
Где до сих пор в земле воронки —
Другого самолета след...

На Красной площади

Здесь забываю
о пустом и мелком
и ближе чувствую свою страну,
часы сверяю
по кремлевским стрелкам
и сердцем ощущаю тишину.

Проходят тихо люди
к Мавзолею,
и это та
святая тишина,
что всех громов и бурь земных сильнее:
она повсюду явственно слышна.

Лесная речка

У сосен черная вода,
Над ней звезда горит, мерцая,
Течет неведомо куда
Речушка тихая лесная.

А отчего она черна?
Быть может, от густого ила?
Иль навсегда в себе она
Беду чужую схоронила?

А может, в черной глубине,
Сырыми травами обвитый,
Давно лежит на вязком дне
Родной солдат, в бою убитый?

✪

Земля во власти первой стужи,
Лежит
тверда и холодна,
Но этот холод
лишь снаружи,
А в глубине тепла она.

И будет день
с травой зеленой —
Прекрасный день
в твоей судьбе,
И аромат земли взрыхленной
Ударит в голову тебе.

Но землю ты пока не трогай:
Ей надо,
как тебе и мне,
Побыть в покое,
хоть немного,
Себя послушать в тишине.

ПРОЗА

Ф. НАСЕДКИН

ТРУДНАЯ РАДОСТЬ

РОМАН

В областной центр поезд прибыл утром. До обкома я добрался на трамвае.

Симонова застал на месте. Он встретил меня радушно.

— Это из какой же пушки тебя выстрелило?

На этот раз любимая поговорка была некстати. В обкоме было известно о моем приезде. Тем более ему, второму секретарю обкома, занимавшемуся деревней. И потому я ответил:

— Из твоей, товарищ Симонов!

Он рассмеялся. Стиснул меня короткими руками. И тут же опустил их, точно устыдившись чего-то.

— Нет! — проговорил он.— К данному делу не имею отношения. Пушку не заряжал, фитиль не зажигал...— И окинул меня критическим взглядом.— А ты все такой же. И политотдельская роба идет. Настоящий боец! А оружие-то есть?

— А на что оно нам? — ответил я.— Едем помогать людям, а не воевать с ними.

Симонов одобрительно кивнул.

— Да! — сказал он.—Помогать, а не воевать. Мирное наступление. Борьба с пережитками. Правильно, в этом главная задача политотделов...— Он показал на стул, сам опустился за стол.— Жалеешь, конечно, что сорвали с учебы?

— Почему же сорвали? — возразил я.— Институт окончил.

Симонов недоверчиво сощурился.

— Каким образом?—спросил он.— На дворе март. До окончания три месяца.

— Досрочно сдал экзамены.

— Ах, так! — не скрыл удивления Симонов.— В таком случае поздравляю!

Рисунки В. ЮДИНА.

Странно, но я почувствовал обиду: поздравление прозвучало как-то казенно. Как будто сделал он это по обязанности.

— Институт окончил,—продолжал Симонов.—Специальность получил, а работать опять в комсомоле?

— А я и собирался работать в комсомоле. Думал после института идти в комсомольскую газету. Ну, ничего... Я еще буду журналистом. Позже.

— Если так, порядок! — сказал Симонов.— Тогда я спокоен.

— А при чем тут ты?

— Как же? Или ты забыл, как попал в институт? Я ж тебя рекомендовал. Уверен был, что из тебя выйдет толк. И был бы огорчен, если бы ошибся.

— Можешь быть спокоен,— в тон ему ответил я.

Симонов откинулся на спинку стула, сузил свои монгольские глаза:

— А я думал... окончишь институт, махнешь на Урал. Или в другой какой промышленный центр. А то и в Среднюю Азию. И будешь оттуда просвещать нас очерками и статьями. А тебя опять угораздило к нам, в наше бедное Черноземье.

— Я сам попросился,— сказал я.— И журналистом приехал бы тоже в нашу область.

— Что же тут интересного для журналиста?

— Люди интересные. Они у нас такие же, как на Урале или в Средней Азии.

Симонов бросил на меня недоверчивый взгляд. Но возражать не стал.

— Ну что ж,— произнес он.— Кому поп, а кому агитпроп. Сколько намереваешься пробыть у нас?

— Да не задержусь,— сказал я,— если обкому не понадоблюсь.

Симонов наморщил лоб, словно обдумывая что-то.

— Лично у меня к тебе ничего нет. В Буграх я пока не был. А вот Воронин... Он, может, захочет повидаться. Он тебя помнит. Да и Бугровский район знает, не раз бывал там. Вот он кое-что расскажет...— и, снова подумав, посоветовал:— Планируй выезд на завтра. А до этого потолкайся в наших отделах. Может, что полезное извлечешь. А я поговорю с Ворониным. Сегодня он занят. Через час заседание в обкоме партии. А завтра мы организуем встречу...

Я с интересом наблюдал за Симоновым. Он заметно раздался в плечах, поплотнел, посолиднел. Лицо округлилось. Только глаза оставались неизменными — серьезными и проницательными.

Узнав, что я прямо с поезда, вызвал секретаршу. Я вспомнил ее: вместе с Симоновым она пришла сюда из окружкома. И, как прежде, смотрела на него преданными глазами.

— Людочка! Направьте помполита Касаткина в гостиницу. Разумеется, за счет обкома...— Когда Люда вышла, спросил: — Про Дымова нашего слыхал, про Дмитрия Иваныча?

— А как же! — сказал я.— У нас в библиотеке института журналистики есть все областные газеты. Я читал.

Симонов восхищенно цокнул языком.

— Здорово! Секретарь обкома партии! Смелое выдвижение!

— И как он?

— Превосходно! Как будто рожден для этого дела. Хороший хозяин! Область сразу почувствовала— настоящий руководитель.

— Хочу зайти к нему. Как думаешь, примет?

— Может, и принял бы. А только нету его. Вчера в Москву выехал. В ЦК вызвали...— Симонов встал.— Вот так, друг Касаткин! — продолжал он с улыбкой, но в глазах была настороженность.— Валяй устраивайся. А часам к шести приходи к нам.— И, вырвав листок настольного календаря, написал несколько слов.— Вот адрес... Вместе пообедаем. И с Клавой повидаетесь. Она часто вспоминает тебя.

Адрес был тот же. Видно, Симонов забыл, что я бывал у него. Сунув листок в карман, я спросил:

— А как она, Клавдия? Как живет? Что делает?

— Живет ничего,— ответил Симонов.— Учится в университете. И дома хозяйничает.

— И как вы с ней? Ладите?

Лицо Симонова озарилось, в глазах вспыхнули угольки.

— По всем статьям! Она ж такая... Чудесная! — И, обняв меня за плечи, продолжал:— Устраивайся— и к нам в гости. Будем рады...

В 1967 году в №№ 6—8 «Юности» была опубликована повесть Филиппа Ивановича Наседкина «Великие голодранцы». Это первая часть автобиографической трилогии, в которой писатель рассказывает о становлении Советской власти в одной из южных областей России, о борьбе комсомольцев и молодежи за новую жизнь, о нелегкой судьбе простого парнишки Хвили Касаткина и его друзей. Вторая часть — «Красный чернозем» — вышла отдельной книгой. В этом номере журнала мы начинаем печатать третью часть трилогии — «Трудная радость». Она посвящена тридцатым годам, в ней действуют уже известные читателю герои.

Филипп Иванович Наседкин в прошлом комсомольский активист, организатор одной из первых сельских комсомольских ячеек у себя на родине, в Белгородской области. Он прошел почти тот же путь, что и его герой Касаткин. В 1939—1943 годах Филипп Наседкин был секретарем ЦК ВЛКСМ, но вынужден был покинуть этот пост из-за потери зрения. Писатель полон сил и энергии, хотя работает он в труднейших условиях, когда связь с жизнью и людьми и сам процесс работы над рукописью для него чрезвычайно осложнены. Одна за другой из-под его пера вышли книги, которые стали широко известны у нас в стране. За повесть «Великие голодранцы» писателю была присуждена премия Ленинского комсомола.

Жизненной правдой и глубоким оптимизмом проникнуты произведения Ф. Наседкина. Он хорошо знает то, о чем пишет. Его пером водит волнение пережитого, добрая память о тех прекрасных людях — коммунистах, комсомольцах, земляках,— с кем его свела судьба.

Новое произведение Ф. Наседкина — еще одно доказательство мужественного таланта нашего друга.

✪

Да, это был тот же дом. Я поднялся на третий этаж. На площадке на всякий случай глянул в записку. Все точно.

Дверь открыла сама Клавдия.

— Здравствуй, Филя! — обрадовалась она, протянула руку: — Я ждала тебя...— Она провела меня в комнату.— Как давно мы не виделись! — И добавила с виноватой улыбкой: — А Коля задерживается. Что-то срочное...

Она теперь стала еще красивее. Черты лица мягче. Глаза под темными, разлетающимися бровями блестели. Алые губы казались более чувственными. И держится иначе: ни следа былой гордости, высокомерия, выглядит простой, даже скромной.

Глядя на меня, Клавдия сказала:

— Так много времени прошло!..

— И событий произошло немало,— сказал я.— Да таких, что и не придумаешь нарочно. Ну разве можно было предположить, что ты станешь женой Симонова?

Клавдия рассмеялась. Но вдруг смолкла:

— А как ты относишься к нашей женитьбе? Может, осуждаешь Колю?

Я удивленно пожал плечами.

— Почему, собственно, я должен его осуждать?

— Ну как же? — сказала Клавдия.— Он ведь коммунист. Руководящий работник. А я из буржуазного класса.

— Ты же порвала с ними. И если Коля верит тебе...

Клавдия пристально посмотрела на меня. В глазах ее метнулась тревога.

— А ты, ты веришь мне? Ну скажи. Только правду!

Я вспомнил встречи с ней. Прежде она свысока смотрела на нас, голодранцев. Но не было случая, чтобы она солгала или обманула. И я твердо сказал:

— Да, верю.

— Спасибо, Филя! Для меня это важно. Вы ведь с Колей друзья, и твое мнение много значит.

Нетрудно было догадаться, чего опасалась она. И я без обиняков спросил:

— Ты, что же, думала: буду настраивать его против тебя?

Клавдия помолчала, словно собиралась с мыслями.

— Не то чтобы настраивать... Я боялась... ты не одобришь его выбора.

— Что ты!. Если бы не он, я наверняка женился бы на тебе... Конечно, если бы ты согласилась.

Клавдия рассмеялась.

— А ты мне нравился. Одно время даже казалось, что влюблена в тебя. А как познакомилась с Колей...

Она замолчала, словно устыдившись своей откровенности. Я спросил неожиданно для самого себя:

— А Миня Лапонин где? Он чем пробавляется?

Клавдия потемнела. Но ответила сдержанно:

— Учится в Москве. В юридическом институте.

Новость прозвучала как гром среди ясного неба.

— Как же он попал туда?

— Я подготовила,— сказала Клавдия.— Занималась с ним. Много труда на него потратила.

Я вспомнил давние разговоры, в которых имена Мини и Клавдии стояли рядом.

— А замуж за него не собиралась?

Клавдия покраснела и опустила глаза.

— Он очень хотел этого, клялся в любви. Но на что он мне? Я его никогда не любила.

— Ради чего ж ты тратила на него труд и время?

— Сама не знаю. Может, человеком станет...— И, помолчав, продолжала: — А занимался он упорно.

— Но почему в юридический?

Клавдия пожала плечами.

— Кто-то посоветовал. Даже обещал поддержку. И, как видно, не зря...

Кулацкий сын Миня Лапонин—московский студент! Это походило на шутку.

— А может, он наврал, что студент?

Клавдия передернула плечами.

— Может, и наврал. Только меня это не интересует. И хватит о нем. Расскажи лучше о себе.— И окинула меня быстрым взглядом.— Коля говорил: ты в военной форме. И она будто идет тебе?

Я развел руками.

— Форма не совсем военная. Без петлиц и знаков различия.

— А вам разрешается ходить в гражданском?

Я невольно рассмеялся. И, заметив ее недоумение, пояснил:

— Да мы же гражданские работники. А вернее, партийные. Политотделы-то — партийные органы. Созданные для выполнения особых задач.

— И какие ж это задачи?

— Навести порядок в деревне. В короткий срок обеспечить подъем сельского хозяйства.

Опять помолчали. Потом Клавдия призналась:

— А мне хотелось посмотреть на тебя в военной форме. Почему-то кажется, она тебе к лицу.

— Как раз наоборот,— снова рассмеялся я.— Она на мне, как на огородном пугале. Потому-то я сегодня и купил на толкучке этот костюм. Чтобы не показываться тебе на глаза в политотдельской робе.

Клавдия опять почему-то смутилась и перевела разговор:

— А еще Коля сказал, что ты окончил институт...

— Окончил,— подтвердил я.

— Молодец! — горячо произнесла Клавдия.— Поздравляю! А вот я только за второй курс собираюсь сдавать...

Телефонный звонок прервал разговор. Звонил Симонов. Клавдия слушала и временами только поддакивала. Я без стеснения рассматривал ее. Да, она была очень красивой. Но красота ее почему-то не волновала. И я, пожалуй, покривил душой, сказав, что женился бы на ней.

— Извини, Филя! — Клавдия положила трубку.— Если хочешь, посмотри газеты. Вон там, на столе. А я пойду разогревать обед. Коля сейчас приедет.

Оставшись один, я осмотрел комнату. Она была неузнаваемой. Стены оклеены розовыми обоями. Журнальные иллюстрации исчезли. Пол заново выкрашен. И заполняли ее вещи, которые украшали комнату Клавдии в особняке на тихой улице.

✪

За обедом они расспрашивали о Москве.

— Не дождусь, когда побываю там,—сказала Клавдия.— Даже стыдно признаться, что до сих пор не была в столице.

— Ничего, Клавочка! — сказал Симонов.— Потерпи немного.

— Ты все только обещаешь! — упрекнула она.— «Потерпи да потерпи». А сам и в ус не дуешь,— и обратилась ко мне: — Ты только подумай, Филя! За то время, как мы женаты, шесть раз был в Москве и ни разу не взял меня с собой.

— Я же был там по работе,—возразил Симонов.— А ездить с женами в командировки не принято. На смех поднимут, а то и осудят.

— Ну, кто бы узнал? — настаивала на своем Клавдия.— По твоим служебным делам я не пошла бы с тобой. А по Москве побродила бы и одна. Никто бы не узнал, кто я такая...— Она собрала тарелки.— Передохните немного. Сейчас принесу чай...

Мы подошли к окну, смотревшему в тихую улицу. Симонов закурил.

— Значит, к Чумаковой? — спросил он, как будто только что узнал об этом.— Что ж, это хорошо. Она у нас боевой секретарь. И хотя ты не подчинен райкому, покоя от нее не жди.

— А мне и не нужен покой. Работать еду.

— Вот-вот! — подхватил Симонов.— Тут даже ваша прошлая дружба не поможет. Главное для Чумаковой — дела...— И вдруг сузил глаза.— А какие у тебя с ней отношения?

Вопрос удивил меня.

— Самые обыкновенные. Дружеские.

Симонов глубоко затянулся. Выпустил дым в открытую форточку.

— А ты знаешь об этой злополучной истории? Я говорю о ее замужестве.

Я ничего не слышал и признался в этом.

— Вскоре после твоего отъезда в Москву мы взяли ее в окружком. В орготдел инструктором. И не ошиблись. Она талантливый организатор и быстро завоевала авторитет среди актива. А потом...

Потом произошло то, чего никто не ожидал. Маша внезапно вышла замуж. И так же внезапно разошлась. Но стала совсем другой. Как будто ее подменили.

Когда вышло постановление об упразднении округов, Маша попросилась на свой завод, но в обкоме ее уговорили поехать в район. Надо было укреплять сельские райкомы. А она хорошо знала деревню, имела опыт руководящей работы. Маша согласилась, и ее направили в Бугры, а там избрали секретарем райкома комсомола.

— Вот она и секретарствует,— рассказывал Симонов.— Недавно мы слушали ее в обкоме. И она предстала перед нами прежней Чумаковой. Горячей, умелой, задорной...

Рассказ Симонова обескуражил меня. Маша всегда была строгой, особенно в отношениях с нашим братом. Я растерянно пробормотал:

— Нет, я ничего не знал. Она не писала об этом...

Клавдия принесла чай, сахар, печенье.

Когда мы садились за стол, Симонов заметил мои голые ноги:

— Почему на босу ногу?

Я покраснел. Но ответил беззаботно:

— Носков не нашел. Купил на толкучке костюм. А носков нет. Ни на базаре, ни в магазинах. Вот и пришлось на босу ногу.

— На босу ногу не годится,— сказал Симонов.— А с носками у нас и правда плохо. Бывают в магазинах, но редко.— И глянул на Клавдию, с усмешкой разливавшую чай.— Достань, Клава! Кажется, есть ненадеванные.

Еще более смутившись, я замахал руками.

— Не надо... Сам, небось, не богат?..

Но Симонов не слушал.

Клавдия открыла зеркальную дверцу гардероба, порылась в одном из ящиков и положила передо мной пару коричневых носков.

— Конечно, одной пары мало,—сказал Симонов.— Но больше у меня нет. Если на месте не купишь,

напиши. Напиши без стеснения и показного гордячества. Постараемся выслать. Купим, как будут, и вышлем...

Лицо мое горело огнем. И я ругал себя за то, что пришел сюда не в политотдельском костюме.

✪

С моим приездом молчановский политотдел был почти укомплектован. Задерживался только заместитель начальника политотдела по партработе. Однако его ждали со дня на день.

Перед встречей с Осадчим, начальником политотдела, я волновался. Как-то сложатся отношения? Сумеем ли сработаться? В райкоме партии, куда я зашел с просьбой помочь добраться до Молчановки, его хвалили:

— Строгий, но справедливый. И умом не обижен...

Таким Осадчий показался и мне.

Выглядел он грузноватым. Над голубыми глазами нависал большой лоб. В каштановых волосах пробивалась седина. Весь вид его говорил о добродушном характере. В то же время в нем чувствовалась твердая воля.

Беседовали долго. Он поинтересовался, как я доехал, незаметно расспросил о прошлом. Обрадовался, когда узнал, что я окончил институт.

— Это хорошо,— мягко сказал он.— Институт — великое дело. Жизнь будешь лучше видеть. В глубины ее сможешь проникнуть...

Осадчий и сам приехал в политотдел недавно. Но уже успел познакомиться с зоной. И теперь говорил, что работа предстояла интересная, хотя и нелегкая.

— Люди тут, как и везде, трудолюбивые и честные. Но они еще не привыкли к коллективному труду. Отсюда и дела в колхозах шли плохо...

Вошла черноволосая женщина лет тридцати, помощник начальника политотдела по женработе Ольга Уралова.

Когда Осадчий познакомил нас, Уралова придирчиво осмотрела меня.

— Добро пожаловать, товарищ Касаткин! — сказала она чистым, низким голосом.— Живем мы тут по-простому, а потому выкладывай, как звать тебя.

Я назвался полным именем, но тут же добавил, что всюду меня звали Хвилей. Уралова довольно кивнула и тонсм, не допускавшим возражений, заявила:

— Будешь и у нас Хвилей. Просто и ясно. И даже поэтично...

Потом в кабинет ворвался редактор политотдельской многотиражки «Вперед» Аркадий Лукашов. Осадчий представил нас друг другу. Говоря обо мне, подчеркнул, что я дипломированный журналист. Этому Лукашов обрадовался. И тут же зачислил меня в постоянные корреспонденты своей газеты.

— Писать придется бесплатно,— предупредил он.— Но это не значит, что можно писать плохо. Как раз наоборот. От нашего брата требуется наиболее полная отдача мастерства и таланта.

Я признался, что пока еще не считаю себя журналистом:

— Одно образование не дает такого звания. В нашем деле самое главное — опыт.

Лукашов подумал и изрек:

— Тем лучше. Теорию освоил в институте. Практику пройдешь у меня. Начнем с азов и низов.— Он сунул мне в руки последний номер многотиражки.— Вот познакомься. И оцени.

Это была небольшая газета. Две страницы на квадратном листе. Крохотная передовица о подготовке к севу. И множество мелких заметок. Под заметками стояли разные фамилии. Но почти все они были написаны Лукашовым. И хотя он старался писать их по-разному, они, как мухи, были похожи одна на другую.

— Самому все приходится делать,— пожаловался Лукашов.— Писать, редактировать, возить материал в районную типографию, набирать, печатать, развозить по селам.

— А читают ее, твою многотиражку?

Круглое лицо Лукашова засветилось, как луна.

— От корки до корки. И даже обсуждают. А кроме того,— с усмешкой добавил он,— бумага такая— лучше для курева и не надо. К тому ж достается бесплатно...

Осадчий, Уралова и Лукашов понравились мне, и я сразу почувствовал себя, как в родной семье.

✪

Размещался политотдел на окраине Молчановки, в том же доме, где и контора МТС, только вход был отдельный.

В самой большой из трех комнат оборудовали кабинет начальника. В самой маленькой сидела Наташа Мельникова, секретарь политотдела. Эту комнату назвали прихожей. Но старательная и находчивая Наташа сделала ее такой уютной, что Осадчий однажды шутливо сказал:

— Да это не прихожая, а скорее пригожая...

Шутка понравилась. И комнату Наташи с тех пор стали называть «пригожей».

В третьей комнате стояли три стола, предназначались они для остальных политотдельцев.

Квартировали работники политотдела в Молчановке. Это было большое русское село. До коллективизации дворы были окружены добротными постройками. Окна хат украшали резные наличники. На многих калитках блестели металлические ручки. А над тесовыми воротами тянули шеи искусно вырезанные и немыслимо раскрашенные петухи.

Теперь же вид у села был невзрачный. Амбары разобраны и свезены на колхозный двор. Другие надворные постройки за ненадобностью распилены на дрова. Ворота и калитки тоже снесены. Во дворы не только зайти, а и заехать можно с любой стороны. И сами хаты выглядели уныло. Казалось, ураган пронесся над селом, разметал его, до неузнаваемости изменил облик.

— Переходный период,— сказал Осадчий, когда я поделился с ним своими впечатлениями.— Старое разрушено. А новое пока в зародыше. Но пройдет время, и все изменится. И не только село, а и сами жители...

Поставили меня на квартиру в такую же хату с разоренным двором. Но внутри она выглядела опрятно. В углу — выскобленный добела большой стол. Кровать у глухой стены застлана многоцветным лоскутным одеялом. Старинный комод сверкал лаком. На подоконниках цвела яркая герань.

Привела меня на квартиру Наташа. Приветливо поздоровавшись с хозяевами, сказала:

— Принимайте постояльца, товарищи Грачевы! А завтра пожалуйте в бухгалтерию МТС для заключения договора на съем помещения. Плату будете получать раз в месяц.

Выслушав Наташу, крупный рыжебородый мужик взглянул на молодку, сидевшую за шитьем, и густым басом сказал:

— Проводи, Юлька! И покажи.

Отложив шитье, Юлия молча встала, неслышно ступая матерчатыми чувяками, пошла в сени. С чемоданом в руках я последовал за ней. Из сеней мы

попали в небольшую уютную комнату. Стены побелены. Земляной пол посыпан свежим песком. Верхнюю часть окна перекрывала вырезанная кружевами бумага. Деревянный топчан был застлан дерюжкой.

Остановившись среди комнаты, Юлия сказала:

— Вот, гляди! Коль нравится, оставайся. Коль нет, ищи других. Не неволим.

Я окинул взглядом комнату.

— Спасибо.— И сунул чемодан под кровать.

— А звать-то как? — спросила Юлия.— Извиняюсь за любопытство.

— По фамилии Касаткин,— ответил я.— А по имени Хвиля.

Юлия подумала, словно решая что-то:

— Фамилия ничего. Даже красивая. А вот имя... Имя чудное. Хвиля. По-нашенскому — непогодь.— И, скупо улыбнувшись, похвалилась:— А комнату я приготовила. Побелила, постель сделала. Подушку пуховую отдала.

Я поблагодарил ее и спросил, кто живет в доме.

— Я тут замужем,— пояснила Юлия.— Мужа звать Кирюха, ну, стало быть, Кирилл. Он в горнице, веревку вьет. А старики — свекор и свекруха. Свекра звать Захар Никитич, свекруху — Анфиса Капитоновна. Вот и вся наша семья.

Вернувшись в горницу, я объявил, что остаюсь у них, и попросил сколотить хоть какой-нибудь столик.

— Заниматься придется. Читать, писать. А без стола неудобно.

Захар Никитич почесал в бороде и поднял глаза на сына.

— Возьми доску под клетью, Кирюха! Распили, построгай. И на стойки пригвозди...

Я вызвался помочь Кириллу. Мы сразу же вытащили из-под пола пристройки к хате широкую доску. Разметили ее аршином. Распилили поперечной пилой.

Я предложил сделать стол на ножках, а не на стойках, вбитых в земляной пол.

— Чтобы можно было переставлять его. И чтобы сгодился потом, когда уеду от вас.

Кирилл пытливо посмотрел на меня.

— А ты что, ненадолго к нам?

— Да, думаю, не задержусь. Выполним свои задачи и, как говорится, айдаси восвояси.

Кирилл отыскал рубанок и долото. Я принялся строгать доски, устроившись на крыльце. Наблюдая за мной, Кирилл поинтересовался:

— Видать, приходилось плотничать!

— Всякое приходилось,— уклончиво ответил я.— Рос на такой же земле, как и ты.

— Только вырос не таким,— возразил Кирилл.— Видно, птица высокого полета.

— Птица ли, не знаю,— сказал я.— А вот насчет полета... Говорят, высоко летать, больно падать...

На улице показался парень в телогрейке и суконных, изрядно потертых галифе. Кирилл окликнул его и, когда парень свернул к нам, сказал мне:

— Генка Жуков, секретарь нашей ячейки. Ничего парень, башковитый.— И Жукову, когда тот остановился перед нами:— Наш помполит Касаткин! Только что прибыл и на квартиру к нам поставлен.

Смуглое лицо Жукова расплылось в ухмылке. Он сунул мне шершавую ладонь:

— С комприветом!

И уселся рядом на завалинке. А Кирилл, кивнув в мою сторону, заметил:

— Видал, как мастерит? Не одной головой, а и руками соображает.

— Добро! — отозвался Жуков.— Свойский, значит. Стало быть, сладимся.

✪

В полдень я медленно катил на велосипеде к политотделу. Погода стояла теплая.

Меня спугнул гудок автомобиля. Я свернул в сторону и увидел на дороге зеленый «газик». Сразу узнал Гогу Мухаперца, шофера райкома партии. Глядя на меня через стекло, он скалил белые зубы. А рядом с ним сидела... Да, это была Маша Чумакова.

Бросив велосипед, я ринулся к машине. И, когда она остановилась, распахнул дверцу. Маша спрыгнула на землю и, улыбаясь, протянула мне руку.

— Федя! — сказала она.— Здравствуй!

«Федя» — так звала меня только Маша.

Я стиснул ее крепкую ладонь.

— Здравствуй, Маша! Здравствуй!

Гога прокричал что-то и погнал «газик» к политотделу. А мы стояли и смотрели друг на друга. Мне хотелось обнять ее, поцеловать. Такое желание, видно, испытывала и Маша. Но что-то удерживало нас. Может, то, что мы были на улице? А может, три года, лежавшие между нами?

— Пошли,— предложила Маша.

Я поднял велосипед, и мы двинулись вслед за машиной.

— Вчера звонил Симонов,— сказала Маша, теребя косынку на груди.— Я была так удивлена.— И взглянула на меня.— Как же ты промчался мимо райкома?

— Райком оказался на замке,— ответил я.— Ты была в отъезде.

— Наверно, в Клиновке,— сказала она.— А потом что ж не позвонил, не дал знать о приезде?

— Был уверен, что ты знаешь,— оправдывался я.— Из обкома не могли не сообщить. Вот и ждал, когда заинтересуешься.

Маша снова глянула на меня и тепло улыбнулась.

— Длинноющий и худущий. Такой же, как и был.

— А ты здорово переменилась,— сказал я.— Прямо не узнать. Стала такая красивая.

Маша смущенно рассмеялась.

Она и в самом деле изменилась. Даже, кажется, чуточку подросла. Фигура статная, ладная. Лицо смуглое. Большие серые глаза блестели, на щеках румянец. Волосы у нее были густые, каштановые.

Зеленый «газик» стоял у политотдельского крыльца. Но Гоги за рулем не было. Мы увидели его в «пригожей». Он сидел у столика и не сводил глаз с Наташи.

У Осадчего были Самойлов, директор МТС, и Бартеньев, главный механик. Чумакова попросила Наташу предупредить начальника политотдела о ее приезде. А пока предложила сходить к трактористам.

— Ты с ними-то познакомился? — спросила она, когда мы снова оказались на улице.— Ребята тут боевые. На работу горячие. Жаль только, что девчат нет. Ни одной трактористки.

— А в других зонах?

— И в других нет. Боятся тракторов. Не женское, говорят, дело!

Мы завернули за угол дома.

— Я всегда захожу в мастерские, когда бываю здесь,— продолжала Маша.— Славные ребята трактористы. Просто непонятно: почему девчонки боятся их?..

Мастерская походила на сарай. Стены ее были обмазаны глиной. Земляной пол залит цементом. Две печи обогревали помещение зимой. Но в холодные дни в мастерской замерзали. Механизаторы работали сдетыми. Да и оборудования не было. Однако все тракторы были отремонтированы к сроку и теперь на линейке готовности стояли перед ма-

стерской. У машин суетились трактористы. Это была молодежная бригада Федора Полыхаева. Ребята раньше других вернулись с обеда и в последний раз осматривали своих «стальных коней».

Навстречу нам двинулся крутобровый и черноглазый Полыхаев в темно-синем комбинезоне, поздоровался и сказал, уставившись на Машу:

— Горячий привет и наилучшие пожелания!

В ответ Маша принялась пожимать ребятам руки. Забыв обо мне, она засыпала их вопросами. Они отвечали охотно и деловито.

Потом принялась осматривать машины. Она просила завести мотор. И, чутко прислушиваясь, то прибавляла, то убавляла газ. Я следил за ней и про себя удивлялся: когда только успела освоиться, чтобы держаться с ними на равных?

Осмотрев тракторы, Маша ополоснула руки керосином и насухо вытерла их паклей, которую подал Полыхаев.

— Переходила бы к нам на работу,— сказал он.— Ты, видать, любишь машину. Самую лучшую уступим. И вольничать никто не станет. Никакой обиды не позволим.

— Так вам же без нашей сестры спокойней,— сказала Маша, весело посматривая на ребят.— Не нужно оглядываться и сдерживаться.

— В том-то и загвоздка,— ответил Полыхаев.— А надо бы сдерживать нашего брата, не давать волю «художествам».

Пошутили, посмеялись. На прощание Маша сказала:

— Если на следующих выборах не изберут в райком, перейду к вам. И тогда берегитесь, молодцы!..

Когда мы отошли, я спросил:

— Курсы, что ли, тракторные окончила?

— Никаких курсов не кончала,— ответила Маша.— Работала на тракторах, когда бывала в поле. В ремонтных мастерских зимой ребятам помогала, книжки почитывала... А они, ребята, любят, когда рядом с ними работаешь. И уважают больше...

На улице показался Осадчий. Увидев нас, остановился. И принялся закуривать. Глядя на него, Маша улыбнулась.

— Люблю его, Леонида Романыча,— сказала она.— Хороший он человек...

Я попросил рассказать о нем поподробней.

— Самого расспрашивать неудобно. А другие политотдельцы тоже ничего не знают...

Маша подумала, точно припоминая что-то. И сказала:

— Я была в райкоме партии... когда с ним познакомилась. Но всего не запомнила. Родился где-то в деревне. В молодости батрачил. Потом в Донбассе работал. Кажется, крепильщиком в шахте. Там вступил в партию, подпольно. Арестовывался за участие в демонстрации. После Октябрьской революции вернулся в родные места. И стал партработником. С тех пор не расстается с этой работой.— И, помолчав, продолжала: — Только больной он. Очень жалко.

— А что с ним?

— Сердце,— сказала Маша.— В тридцатом кулаки дважды стреляли в него. Первый раз промахнулись. А во второй тяжело ранили. Пуля прошла рядом с сердцем. Может, это дает знать?..

Должно быть, не вытерпев, Осадчий двинулся нам навстречу.

— С приездом, Мария! Добро пожаловать! — И, подойдя, крепко пожал ей руку.— Опять копалась в моторах? — спросил он и покачал головой.— Неугомонная!

— Землячка, Леонид Романыч! — сказал я с гордостью.

Осадчий озадаченно посмотрел на меня, словно не понял того, что я сказал. И вдруг весело произнес:

— Так, так! А ты, стало быть, землячок? — Осадчий взял Машу под локоть и галантно предложил: — Прошу, пожалуйста, в политотдел!

✪

Маша приехала всего на один день, но решила повидаться с Генкой Жуковым: как можно быть в селе и не встретиться с секретарем ячейки?

Жуков точил на завалинке перед домом мотыгу. Машу встретил приветливо и, вытянувшись перед ней, громко произнес:

— Нашей Маше компривет!

Потом пригласил нас в хату. Генкина мать, Ксения Власьевна, расцеловала Машу, как родную, и сразу же отправилась на кухню. А мы, усевшись за стол, завели разговор о комсомольских делах.

Впрочем, говорили больше Маша и Генка. Я же наблюдал. Маша держалась свободно, расспрашивала о ребятах. Она знала их всех. Знакома была со многими колхозниками и часто безошибочным суждением о ком-нибудь заставляла Генку теряться.

Медленно росла ячейка. Молодежь пока еще сторонилась общественных дел.

Выслушав Генку, Маша сказала:

— Это оттого, что мы агитируем отвлеченно, до нутра не добираемся. И принимаем пока тех, кто идет сам, а не тех, кто нам нужен. А в первую очередь нам нужны передовики, такие, что другим пример показывают.— И назвала Юлию Грачеву, мою молодую хозяйку.— Вот ее-то, Юлию, надо вовлечь в комсомол.

Жуков замахал руками.

— Чего захотела! Да к ней и на козе не подъедешь. Кирюха сколько бился! И ничего не добился. А нас она на сто шагов не подпустит.

Маша терпеливо выслушала и посоветовала:

— А вы попробуйте так: организуйте девичье звено, скажем, на прополке кукурузы и звеньевой поставьте ее. Доверьте ей больше, чем она ждет. Тогда она, может, и сама попросится...

Ксения Власьевна принесла яичницу на сковороде. Порезала на маленькие куски ржаной непросеянный хлеб и добродушно сказала:

— Ешьте, ребятки, и не обессудьте. Чем богаты, тем и рады.

Только мы принялись за еду, в хату ввалился Борис Чуркин, колхозный конюх, худощавый парень со вздернутым носом. Генка пригласил и его к столу, но Борис отказался.

Озорно улыбнувшись, Маша спросила Чуркина:

— Выговор-то, Боря, долго еще носить будешь?

— Да больше полгода придется,— откликнулся Чуркин.— Аккурат через неделю половина стукнет.

— А тяжело, поди, таскать-то его?

Чуркин неподдельно вздохнул.

— Да нелегко. А только что же делать? Заработал, ну и таскай.

Я поинтересовался, о чем речь. Маша только блеснула глазами.

— А постановление ячейки, Боря, не забыл?

— Вовек не забуду,— сказал он.— «Слушали. Про свист Б. Чуркина на комсомольском собрании. Докладчик Г. Жуков. Постановили. В связи с тем, что этот свист не имел под собой политического фундамента, а также принимая во внимание чистосердечное раскаяние Б. Чуркина, объявить Б. Чуркину строгий выговор сроком на один год. И предупре-

дить Б. Чуркина, что повторение подобного свиста повлечет за собой более строгое взыскание вплоть до исключения из комсомола». Вот такое постановление. Я его крепче любой песни заучил.

Я еле удержался, чтобы не рассмеяться, и спросил Машу:

— И райком утвердил это постановление?

— Утвердил,— сказала она.— А как же? Постановление правильное. И принято единогласно всеми комсомольцами.

Я спросил Чуркина, чего это ему вздумалось свистеть на собрании. Тот шмыгнул носом и печально ответил:

— Было, стало быть, так. Осенью у нас в ячейке товарищ Чеботарев, наш председатель колхоза, итоги докладывал. И сообщил, сколько мы всего выработали и сколько заработали. Вот тут я и свистнул. Уж больно мало вышло получать. Свистнул от удивления. А ребята записали мне «строгача».

— Ну и как? Больше не свистел на собраниях?

Чуркин скривился, словно от боли.

— Какой там! Сам с собой для удовольствия и то не решился. За все, почитай, полгода ни разу не свистнул. И не свистну, покамест выговор не снимут. Зарок такой себе дал.

Ксения Власьевна принесла кувшин и кружки. И предложила молока Чуркину. Тот опять замотал головой, сказал, что сыт по самую макушку. А я заметил, как острый кадык его вдруг дернулся вверх и медленно, словно неохотно, опустился.

✪

К вечеру мы вернулись в политотдел. Гоги, который должен приехать за Машей, пока не было. В «пригожей» за своим столиком Наташа печатала что-то на машинке и делала вид, что очень занята.

Мы с Машей решили подождать машину за домом — присели на сложенные под навесом доски. Маша некоторое время смотрела перед собой, потом, опустив глаза, спросила:

— Ты с Симоновым-то в обкоме встречался?

— Встречался,— сказал я.— И в обкоме и дома у него обедали вместе.

— И обо мне говорили?

— Конечно,— подтвердил я.— Ты же нам, кажется, не чужая?

Маша словно бы пропустила это мимо ушей.

— О моем замужестве рассказывал?

— Рассказывал.

— И что же ты?— спросила Маша.— Осудил?

— Нет,— сказал я.— Не имею права. Только удивился.

— Чему?

— Что сама не написала.

Маша вздохнула.

— Стыдно было. Это ж такая глупость. А кому хочется признаваться в собственной глупости?

И все же я спросил:

— Как же ты так?

Маша виновато потупилась.

— Сама не знаю. Он был чутким, заботливым. Приласкал, приголубил. Я и решилась. Подумала, это — настоящее. И обманулась. Мы оказались совсем разными. А главное: не было чувств, которые связывали бы нас. Сперва мы не признавались друг другу. Я думала, что обманулась сама. А он думал, что только у него нет ко мне ничего. Но скоро поняли, что оба ошиблись. И жить ради того, чтобы только скрыть ошибку, не стали.— И, глубоко вздохнув, продолжала: — Все это было нелегко. И не по-

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

Ф. НАСЕДКИН. Трудная радость. Роман. 4

Юрий АДАМОВ. Первая получка. Рассказ 27

Р. РОМА. Два рассказа о Райкине 37

Анатолий ГОЛУБЕВ. Чужой патрон. Приключенческая повесть. Окончание. 43

ПОЭЗИЯ

Виталий КОРОТИЧ. Заклинание правдой. «Я видел сосны. Каждая из них...». «А что в итоге? Мать, друзья, работа...». Песня для матери. «Полдня был ливень так прозрачен...». Реквием для бандуриста. Перевела с украинского Ю. Мориц 2

Михаил ГОЛОВЕНЧИЦ. «Уже недолго до заката...». На Красной площади. Лесная речка. «Земля во власти первой стужи...» 3

Валентин БЕРЕСТОВ. «К братишке на базаре...». Свадебное шествие. «По блюдечку ключом стучит он звонко...». Первая учительница. Для чего собирал я гербарий 25

Владимир ЖИЛИН. Плач Былихи 26

Павло МОВЧАН. Май. Весной. Воспоминания об эвакуации. Перевел с украинского Ю. Ряшенцев 35

Виктор ШИРОКОВ. «Неясно над Пушкиным небо...». «Как только тронулся состав...». «Знакома ль вам ладонь залива...» 35

Владимир КАЛИНИЧЕНКО. Серенада в заливе Шуберта 36

Михаил ПЛЯЦКОВСКИЙ. Голос. «Электрички слепящие фары...». «Неравнодушен я к баяну...» 42

Николай ГРАЧЕВ. На бывшей «ничейной» земле. «Сосенки цветут шишками...» 59

Яков КОЗЛОВСКИЙ. «Посольской визы штемпель нелинялый...». Запрещенная охота. Ноябрь 1973 года. Песня. В новогоднюю ночь 75

Раим ФАРХАДИ. «Непритязательный уют...». «Вспоминаю истоки. Очертания гор...» . . . 99

ПИСЬМО ОКТЯБРЯ

Елена ЩЕРБАКОВА. «Истоки хамства — не в краске для ресниц...» 60

КРИТИКА

В. ПЕРЦОВ. «Я хочу создать тип молодого человека...» 61

Л. ЖУКОВСКАЯ. Праздник красок. (К нашей вкладке) 65

Арий РОТНИЦКИЙ. «Пришли 800 детей — хорошо». 66

Владимир СОЛОВЬЕВ. Судьба человека в жанре рассказа (Дневник критика) 70

ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий СТРЕЛЯНЫЙ. Свадьба в Старой Рябине 76

Владимир ЭРВАЙС. Мера отдачи 84

Игорь САНТУРЯН. Плацкартная жизнь . . . 88

НАУКА И ТЕХНИКА

Эрнст ПОРТНЯГИН. Что вы ищете?.. 95

СПОРТ

Юрий ЗЕРЧАНИНОВ. Никогда никому не проигрывай 100

ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

В. БЕРЕНДЕЕВ. Спасение утопающих — дело рук... восьмиклассников 107

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Виктор СЛАВКИН. Тайное задание. (Подражание современному детективу) . 108

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ. Образцовый класс . . 111

Главный редактор
Б. Н. ПОЛЕВОЙ

Редакционная коллегия:
А. Г. АЛЕКСИН,
В. И. АМЛИНСКИЙ,
В. И. ВОРОНОВ
(зам. главного редактора)
В. Н. ГОРЯЕВ,
А. Д. ДЕМЕНТЬЕВ
(зам. главного редактора),
Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ
(отв. секретарь),
К. Ш. КУЛИЕВ,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ,
В. Ф. ОГНЕВ,
С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. П. ПРИЛЕЖАЕВА.

Художественный редактор
Ю. А. Цишевский.

Технический редактор
Л. К. Зябкина.

На 1—4-й стр. обложки рисунок Э. РАПОПОРТ.

Адрес редакции:
101524, ГСП. Москва. К-6.
Улица Горького, № 32/1.
Телефон редакции: 251-32-83.
Рукописи
не возвращаются.

Сдано в набор 30/VII—1974 г. А 06967.
Подп. к печ. 12/IX—1974 г.
Формат 84×108 1/16
Объем 12.18 усл. печ. л.
17.62 учетно-изд. л.
Тираж 2 600 000 экз.
Изд. № 2235. Заказ № 2551.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.